

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

К 80-летию Б.З. Докторова

6 июня 2021 года свое 80-летие отпраздновал доктор философских наук, профессор Борис Зусланович Докторов. Уже около 20 лет он занимается сбором и анализом биографий российских социологов разных поколений в русле историко-социологической методологии. Он собрал обширную коллекцию интервью с социологами,

опубликовал ряд работ по теме, чем внес значительный вклад в написание истории советской/российской социологии. В сферу интересов Докторова входит также история американской социологии и изучения общественного мнения, которым автор посвятил несколько книг. Но история отечественной социологии остается в приоритете.

Публикуемое в честь юбиляра интервью включает углубленную рефлексию Докторова о ходе, этапах, методологических и иных находках его обширного проекта.

Коллектив журнала сердечно поздравляет Бориса Зуслановича — члена нашей редколлегии и постоянного автора — с юбилеем и желает ему отличного здоровья, сохранения присущего ему оптимизма, дальнейших творческих поисков и успехов!

Б.З. ДОКТОРОВ¹, Л.А. КОЗЛОВА²

¹ Независимый исследователь.
Foster City, USA.

² Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ. ИТОГИ ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО ОПЫТА

Аннотация. В интервью с профессором Б.З. Докторовым обсуждаются вопросы, посвященные развитию и достижениям проекта по истории советской/российской социологии, который он ведет в течение почти 20 лет,

а также биографическим исследованиям в области американской социологии и изучения общественного мнения. Проект Доктора связан с решением теоретических, методологических и эмпирических проблем применения биографического метода в историко-социологическом исследовании. Среди своих главных методологических разработок автор выделяет концепцию второго рождения российской социологии, обоснование поколенческо-функционального анализа, концепцию биографичности социологического творчества, включающую и недавно начавшуюся разработку нелинейного биографического анализа. Обсуждаются проведенные автором эмпирические исследования, связанные с выявлением поколенческого строения российского социологического сообщества, с возможностями его изучения методом глубинного интервью по электронной почте. Рассматриваются содержание и значение собранной коллекции интервью с отечественными социологами («Большой портрет»), а также онлайн-книг «Биографические интервью с коллегами-социологами» (интерактивная) и девятитомника «Современная российская социология: Историко-биографические поиски», в которых опубликованы главные результаты проекта Б.З. Доктора.

Ключевые слова: Докторов Борис Зусманович; история советской/российской социологии; анализ биографий; историко-социологическое исследование; поколенческий подход; поколенческо-функциональный анализ; биографичность социологического творчества; нелинейность биографического анализа.

Для цитирования: Докторов Б.З. Биографический анализ в историко-социологическом исследовании. Итоги двадцатилетнего опыта / Интервью подготовила Л.А. Козлова // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 126–145. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8090

В 2011 году, то есть десять лет назад, «Социологический журнал» опубликовал биографическое эссе Бориса Доктора с говорящим заголовком: «Шесть тысяч дней другой жизни» [1], речь шла о без малого 17 годах, прожитых автором в Америке. Это было не только описание поистине драматических лет, но и рассказ о том, как, преодолевая многие обстоятельства, он возвращался в профессию. В том же выпуске журнала был и мой комментарий к этому эссе «Возвращение к себе и расширение горизонтов», суть которого выражена словами: «Случилось так, что 17 лет Докторов живет в Калифорнии. И около половины этого срока мне посчастливилось близко и доверительно — электронная почта этому не помеха — общаться с Борисом. Срок совсем небольшой в масштабах жизни. Но именно в эти годы он на моих глазах сумел совершить решающий рывок и в своей профессиональной деятельности, и в овладении собственной жизнью в новой среде, которые позволили ему вернуться не только в профессию социолога, но и к себе самому. К себе, обогащенному новыми человеческими силами, новыми творческими замыслами и новыми научными результатами» [2, с. 96].

Тогда ни Докторов, ни я не указывали на то, что эссе было написано в связи с приближавшимся его 70-летием. Однако осенью прошлого года я на правах давнего друга напомнила ему о новом юбилейном годе и поинтересовалась, не готовит ли он новый биографический текст. Оказалось, что в планах этого не было, хотя было намерение подытожить сделанное за последние годы, не потому что он выполнил все задуманное, а потому что хотел обозначить направления нового движения. Кроме того, Докторов добавил, что в силу ряда обстоятельств предпочел бы не писать о сделанном, но ответить на мои вопросы. И вот наша переписка начинается...

Л. Козлова

Борис, для тебя не будет неожиданностью мое обращение... я знаю, что именно и сколько ты сделал за прошедшие десятилетия. На мой взгляд, мы сейчас сможем это коротко обобщить для историков социологии, методологов, расставив главные акценты. Как ты построишь свой рассказ и с чего предполагаешь начать наше обсуждение?

Знаешь, Лариса, я давно задумался о нашем разговоре, но все равно начало не может быть простым. И все же прежде всего я поясню, почему я решил не писать «отчет» за прошедшие годы, но сделать его в виде разговора. Недавно мы с тобой провели своего рода инвентаризацию наших опубликованных бесед. Мы знали, что их «много», но не думали, что как минимум десять. Это говорит об очень многом, во всяком случае, я знаю, насколько мне полезна каждая из этих бесед: есть ощущение того, что подытожено прошлое и прояснилось ближайшее будущее.

Говорят: «начинай с начала», но в данном случае оправданно начинать с более близкого времени и назвать то, что я считаю главным в проделанной работе. В области методологии — концепция второго рождения российской социологии, обоснование поколенческо-функционального анализа и недавно начавшаяся разработка нелинейного биографического анализа. В эмпирической части — поколенческое строение российского социологического сообщества и изучение возможностей метода глубинного интервью по электронной почте. Наконец, главные публикации: онлайн-интерактивная книга «Биографические интервью с коллегами-социологами» [3] и онлайн-книга «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» в девяти томах [4]. В этих двух книгах наиболее полно отражены результаты проводимого исследования.

Если же говорить о начале наших обсуждений, то надо вернуться на 15 лет назад. Специально обратился к моему электронному дневнику. Интересное дело: 6 июня 2007 г., в мой день рождения (обычный, не юбилейный), я записал: «Большое письмо Ларисе Козловой. О биографическом методе для написания биографий (“Калиостро”)». Пропущу некоторые записи, 24 июня было отмечено: «Завершил пе-

реписку с Ларисой по «Калиостро»». Лариса, я не думал, что тот наш короткий «междусобойчик» — мы озаглавили его «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев? Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии» — окажется важным для меня. Мы разместили его на портале «Российско-американской биографической инициативы» и никогда не публиковали в бумажном варианте. Однако сегодня я рассматриваю его как импульс ко многому из того, что было сделано в последующие годы и делается сейчас.

Я имею в виду гамму методологических вопросов, связанных с использованием биографического метода в историко-социологическом исследовании, — их теоретическую постановку и практическое применение. Невозможно эти вопросы очертить сразу и методично искать на них ответы. Как правило, найденный ответ порождает серию новых вопросов, еще чаще новая тематика возникает в ходе сбора биографической информации и написания биографий.

И мне не кажется удивительным, что все началось с нашей беседы о «графе Калиостро», это было вхождение в биографический анализ в историко-социологических поисках.

В твоих записях лишь отмечены начало и конец той далекой нашей беседы. Наверное, стоит сказать и о ее содержании и пояснить, при чем здесь граф Калиостро. Ведь большинству он известен только как герой фильма Марка Захарова «Формула любви».

Граф Калиостро возник в нашей беседе при упоминании книги Б.Г. Кузнецова, известного историка науки, специалиста по эпохе Возрождения, автора ряда книг о выдающихся физиках и философах разных времен «Путешествие через эпохи», укажу и подзаголовок: «Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками». Появление Калиостро, свободно перемещающегося во времени и пространстве, позволило Кузнецову рассмотреть инварианты творческого процесса, что дает ключ от многих дверей в истории науки.

Когда мы начинали то наше обсуждение, я лишь два с половиной года занимался историей российской социологии, было проведено немногим более десяти интервью с российскими коллегами, и в середине 2004 г. была написана одна биография — Б.А. Грушина [4, т. 6]. Почему именно его? В то время я не думал заниматься историей отечественной социологии, но, накопив определенный опыт анализа жизненных траекторий американских полстеров и людей из мира рекламы (копирайтеров и исследователей эффективности рекламы), хотел рассмотреть биографии советских/российских исследователей общественного мнения. Однако по предложению создателя и редактора питерского социологического и маркетингового журнала «Телескоп» М.Е. Илле (и при поддержке Б.М. Фирсова и В.А. Ядова) я начал вести в нем рубрику «Современная история российской социологии». Так

что в момент нашего обсуждения общих вопросов анализа биографий при изучении истории социологии я в большей мере ориентировался на опыт погружения в прошлое американской социологии, чем российской. К тому времени у меня уже были две книги по американской тематике: «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина» (2005) и «Отцы-основатели. История изучения общественного мнения» (2006), и мы с Н.Я. Мазлумяновой, которая редактировала их, всю работу над третьей — «Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов» (2008). И беседа с тобой помогла мне настроиться на изучение событий и людей в российской послевоенной социологии, в этом я видел возможность возвращения в известную и близкую мне среду.

Вместе с тем обсуждение «Калиостро» многое предначертало в моем будущем, что очень интересно наблюдать, поскольку я уже несколько лет анализирую биографичность социологического творчества, то есть то, как наше давнее и близкое прошлое детерминирует наше настоящее и будущее. Ты знаешь, обстоятельства, в которых я живу и работаю, не располагают даже к среднесрочному планированию, не говоря о долгосрочном, и «предначертало» не означает прямого перехода к планированию, но указывает на какие-то глубинные исследовательские установки, которые при наличии благоприятных условий проявляются в исследовательских действиях. Так, в нашем разговоре я упомянул о моем интересе к историко-биографическим построениям Б.Г. Кузнецова, но не более. Однако прошли годы, и я написал серию статей о нем и книгу: «И это все вместила одна жизнь. Б.Г. Кузнецов: историк, философ и социолог» [4, т. 9].

Но более интересное продолжение получил один из моих ответов тебе: «Я вот думаю, допустим, в каком-либо мире встречаются Гэллап, Левада и Хопкинс (герои моих последних биографических очерков), уверен, что личностям и творцам такого масштаба всегда было бы о чем поговорить или о чем вместе помолчать». Джордж Гэллап известен в нашем сообществе, что касается Клода Хопкинса, то он — классик американской рекламы, и незадолго до нашей беседы я написал статью «Клод Хопкинс. Научная реклама» (Телескоп. 2007. № 3). Помнил ли я об этой фразе через десять лет? Не уверен... Но в конце 2018 г. я написал в Facebook пост «Рождественская встреча с графом Калиостро. Документально-фантастическая история», в котором не только отметил наше обсуждение 2007 г., но и привел фрагмент описания моей последней на то время встречи с графом в аэропорту Домодедово: «Я собрался с мыслями и хотел рассказать о сделанном за годы, но граф Калиостро остановил меня, дав понять, что все знает, и затем обрадовал меня. Он сказал: “Почти десять лет назад в беседе с madame Козловой Вы сказали ей о своем желании... хотели, чтобы я встретился с Вашими героями. Время настало... но, пожалуйста, не

со всеми... подумайте о камерном характере такой встречи — человек десять, исключительно на Ваше усмотрение...” <...> Я хотел узнать, когда такая встреча могла бы состояться, но граф опередил меня: “Готовьтесь... года через два...” И здесь наше randevу оборвалось... возможно, объявили его рейс...” Таким образом, книга «Нескончаемые беседы с классиками и современниками» (2018) [5], которую ты анализировала в своей рецензии, — это итог моего общения с Калиостро.

Конечно, во всем сказанном есть доля фантастики, но здесь — все правда, за исключением встреч с графом Калиостро. Однако в ходе изучения биографий моих американских и российских героев я многократно сталкивался с куда более фантастическими событиями.

Борис, я знаю и твои биографические тексты, и то, что ты называешь «социологическими повестушками», возможно, мы и о них поговорим, во всем этом нередко присутствует необычность, близкая к фантастике. Но вся эта «фантасмагория» существует не ради красивого писательства. Скорее, это способ видения, задающий научную оптику и направление исследований, причем вполне «реальных». Так поговорим о реалиях твоей работы. Кратко ты о них уже сказал, теперь попрошу подробнее. Понимаю, временной период немалый, и все же...

Безусловно, последние полтора десятилетия главное дело — изучение истории советской/российской социологии, однако я не противопоставляю этот проект анализу развития культуры и технологии опросов общественного мнения в США, эта тема остается в поле моего зрения. В 2008 г. я провел годовой мониторинг борьбы Барака Обамы за пост президента и при поддержке Фонда «Общественное мнение» издал книгу «Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения» (2011), затем подобные мониторинги были проведены в 2012, 2016 и 2020 гг. Надеюсь когда-либо обобщить мой опыт исследования 200-летней истории опросов общественного мнения в США.

Вместе с тем, возвращаясь в 2004–2008 гг., я вижу мое упорное стремление продвинуться в исследовании истории нашей социологии, к этому меня подталкивали не только научные интересы, но и личные стимулы. Во-первых, я видел, что после семи лет работы над «гэллапиадой» — так я называю множество тем, концентрирующихся вокруг изучения биографий Гэллапа, первых поколений американских полстеров, классиков американской рекламы и рождения научных методов зондирования общественного мнения, — мне хотелось остановиться и поискать новые исследовательские направления. Во-вторых, на тот момент прошло более 10 лет моей американской жизни, и хотя я смог восстановить общение со многими российскими социологами, но не ощущал себя частью нашего профессионального цеха, ведь я не был включен в разработку проблематики российской социологии. Эта отстраненность усиливалась моим отшельническим образом жизни,

я оказался в «пустыне»: чужим среди своих и среди чужих. Но когда я начал входить в российскую тематику, у меня появился предмет постоянных обсуждений, значит, возникло постоянное общение. В 2007–2008 гг. у меня появилось ощущение причастности к российскому социологическому сообществу, и это сказалось на моей работе.

Не случайно в эти годы были сделаны теоретические построения, во многом определившие реализацию и результаты проекта. Осенью 2007 г. в Тюмени состоялась социологическая конференция, на которой я не мог присутствовать, но меня выручила В.В. Гаврилюк, она презентовала мой текст с выводом о «втором рождении» российской социологии. На текст, отправленный В.А. Ядову 11 октября, я получил ответ: «Боря, отличная и аргументированная статья. Термин “возрождение” нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново». Предложенная интерпретация генезиса современного этапа нашей социологии внесла логическую и историческую определенность в мои поиски, я мог не задаваться вопросами типа «с кого началась современная российская социология?», ведь начали те, кто на волне политической оттепели на свой страх и риск при поддержке (или при невмешательстве) нового поколения партийных работников стали проводить теоретико-эмпирические обследования и называли себя незнакомым ранее словом «социолог».

В течение нескольких лет я не мог разъединить две трактовки генезиса современной российской социологии: «возрождение» и «второе рождение». Но необходимое соотношение было найдено в 2011–2012 гг. и выражено простой формулой: «к возрождению через второе рождение». Другими словами, «возрождение» — не генезис современной российской социологии, а следствие ее существования. Не буду останавливаться на многих существенных аспектах этой темы, главное было сказано в книге «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории» [6].

Формула «к возрождению через второе рождение» не раскрывает механизм движения к возрождению. Однако сразу было ясно, что здесь не может быть фронтального, широкого движения, но лишь какие-то «точечные» кейсы, которые могли бы иллюстрировать возможность и перспективность таких «шагов» и одновременно подталкивать нас к обогащенному пониманию логики развития российской социологии. Прошедшие годы показали, что это верное представление о процессе возрождения, главное, чтобы здесь не было продолжительных остановок.

Такая интерпретация проблемы генезиса послевоенной российской социологии открыла путь к решению другой проблемы, тормозившей переход от «штучного» к «массовому» интервьюированию, я имею в виду разработку поколенческой структуры современного российского социологического сообщества. Исходно это типологи-

ческое решение должно было обеспечить интерпретируемую группировку собранной биографической информации и предложить правила рекрутирования респондентов для проведения интервью. Как видно из сказанного, уже тогда предполагалось, что количество интервью будет большим, в противном случае можно было бы в «рабочем порядке» искать приемы группировки эмпирического материала и методы его описания. Уже на первых шагах изучения нашей истории я отметил, что она должна писаться многими и быть многолюдной.

Заявление о множестве авторов истории стало ответом на часто задаваемый мне тогда вопрос о праве того или иного исследователя на собственный взгляд на историю. Мой ответ состоял из двух положений. Во-первых, исследователь, серьезно относящийся к своему делу, приобретает право на собственное понимание прошлого, не должен же он лишь повторять выводы своих предшественников. Во-вторых, каждого социолога, который поделился со мной своей биографией, я стал рассматривать как соавтора моего проекта, а это автоматически сдерживало размах моей субъективности.

Что касается требования многолюдности истории, то оно вытекает из моего понимания общих механизмов развития науки: наука — продукт деятельности многих поколений ученых, а прорывы в науке — достижения, результаты прозрения одиночек. Возможно, стремление к многолюдности было и следствием моего отшельничества и долгого перерыва в профессиональном общении.

Интересно, нащупал бы я предложенный алгоритм поколенческого строения нашей профессиональной общности, если бы постоянно находился внутри нее? Но более чем десятилетний перерыв обусловил то, что я решал эту задачу не как социологическую и не как социолог, а как математик и в опоре на общенаучные критерии и математические правила типологии.

В середине апреля 2008 г. я сделал первое описание концепции 12-летних поколений советских/российских социологов и отправил его В.А. Ядову. И 17 апреля получил от него восточку: «МИСТИКА, НО ВЫГЛЯДИТ УБЕДИТЕЛЬНО. ПРИВЕТ, ВОЛОДЯ». Мне крепко повезло, идея поколенческого строения рождалась в дружеской атмосфере. Ее первое обсуждение прошло в Институте социологии РАН на конференции памяти Г.С. Батыгина, которую ты и организовала, а презентация моей статьи была сделана В.В. Семеновой.

Предполагаю, что мы сможем обсудить многие аспекты моего исследования советской/российской социологии, но главным результатом я считал и продолжаю считать создание «Большого портрета» — по мнению ряда коллег, экспоната для Книги рекордов Гиннеса (см. диаграмму). Эта онлайн-конструкция создана при поддержке Ф.Э. Шереги IT-специалистом Е.И. Григорьевой, много сделавшей для проникновения современных электронных технологий в социологию.

В простейшем случае «Большой портрет» можно понимать как сетевую коллекцию, архив 218 биографий советских/российских социологов всех ныне действующих поколений; в настоящее время она размещена на портале Института социологии ФНИСЦ РАН.

Диаграмма. «Большой портрет» [3]

Борис, тебе хотелось бы рассказать, как рекрутировалась совокупность респондентов, как развивалась методология интервью, и обобщить многие аспекты твоего 16-летнего (2005–2020) опыта бесед с нашими коллегами, но многое из этого представлено в твоих публикациях. Давай сосредоточимся на обсуждении новых разработок.

Скрепя сердце соглашусь с тобой и прежде всего назову «это новое», а затем постараюсь сформулировать суть каждой новации как развитие «старого».

Наиболее продолжительная биография среди новых направлений — у концепции поколенческо-функционального анализа (ПФА) советской/российской истории, по сути, она была заложена еще лестницей поколений. Сама же идея функций поколений была обозначена в книге 2013 г., и мы обсуждали ее в нашей обстоятельной беседе в 2017 г. [7].

В целях упрощения рассказа о серии других направлений, разработка которых происходит одновременно, я объединю их под названием «изучение биографичности социологического творчества». Термин «биографичность» появился в уже названной книге 2013 г., но лишь мимоходом, собственно биографический материал, раскрывающий этот феномен, излагался в разделе «Подсказано прожитым». Очевидно, это есть ядро биографичности творчества социолога.

Лариса, если ты не против, предлагаю начать с рассмотрения ПФА, в этом случае нам будет проще войти и в тематику биографического анализа в историко-социологическом исследовании.

Я не против. Интересно, что ты в связи с ПФА думаешь о самых молодых поколениях?

Начну с «истории вопроса». С самого начала работы я понимал, что одной из наиболее сложных проблем исследования будет создание методологии и процедуры перехода от биографических интервью с социологами к истории социологии. Проблема порождена различием природы базовой эмпирической информации и выводов финального характера. Биографические интервью относятся к индивиду и раскрывают процесс его личностной и профессиональной социализации, вся совокупность этого рода информации описывает жизнь и деятельность социологического сообщества. Но финальные выводы исследования должны распространяться на науку, характеризовать ее становление и развитие.

Однако актуальность этой задачи в полной мере обозначилась лишь в 2014–2015 гг., когда было проведено уже немало интервью. Первое — достаточно внятное — описание решения этой проблемы было завершено в первых числах февраля 2015 г. в преамбуле к тексту беседы с социологом VI поколения Виктором Вахштайном, это было 99-е интервью [3]. Тогда я говорил о поколенческом подходе к прошло-

му — настоящему — будущему отечественной социологии и трактовал его как изучение процесса становления и смены поколений социологов, и в качестве инструмента такого историко-научного исследования назывался «функциональный анализ», назначение которого виделось в определении и изучении функций каждого поколения и того, как они осуществлялись.

Более основательно все было изложено в статье того же года «История есть, только если она написана — 2» с подзаголовком «После дороги продолжительностью в 11 лет» [8], там обсуждаемое движение от индивидуальной информации называлось поколенческо-функциональным анализом истории советской и постсоветской социологии.

Напомню: понятие «поколение социологов» вводилось в 2008 г. как метод сжатия и упорядочения возрастающего числа интервью и увеличивавшегося объема биографической информации, но потом оно стало жить собственной жизнью и дало мне много больше, чем я связывал с ним в момент его рождения. Оно управляло планированием выборки, задавало направленность сопоставительного анализа биографий социологов и т. д. Постепенно я стал думать о нашем обществе в терминах поколений и начал видеть историю нашей науки как смену поколений.

Исходно половозрастные когорты российских социологов трактовались лишь в социально-хронологической логике макрособытий, определяющих облик и дух поколений: война, оттепель, застой, перестройка (см. табл.). Однако через шесть-семь лет стала ощущаться недостаточность такой интерпретации. Она не отражала того факта, что в рамках проекта предложенная стратификация распространяется не на население страны, а только на конкретное профессиональное сообщество — на социологов. Так возникла идея поиска доминантной функции поколения социологов, то есть главной роли, играемой конкретным поколением на сцене действий всего социологического сообщества.

Для раскрытия сути поколенческо-функционального анализа принципиально отметить, что оба ключевых понятия — поколение и функция поколения — это субстанции, развивающиеся в разных временных пространствах. Поколение — это профессионально-возрастной срез населения, оно несет отпечатки времени рождения, социализации и т. д. Оно существует во внешнем, общем для всех социальном времени. Функция поколения — это совокупность того, что историей общества и науки предписано сделать конкретной профессионально-возрастной когорте для решения проблем, обнаруженных предыдущими поколениями, а также круг ответственности новых профессиональных когорт перед наукой и обществом за поиск ответов на новые социальные и собственно научные вызовы времени. Функция поколения во многом задается состоянием и динамикой со-

циальной реальности, и, таким образом, она меняется в пространстве макроистории, то есть внешнего времени. Но одновременно функция поколения развивается во внутреннем, внутринаучном времени. И мне кажется, что именно в плоскости этих двух координат (возможно, в будущем — в более многомерном пространстве) можно будет реализовать два стержневых исследовательских направления, сформулированных на старте проекта: история в биографиях и биографии в истории.

Таблица задает главное: временной интервал рождения представителей каждого поколения, его социально-хронологическое название и соответствующую доминантную функцию.

Поколение	Годы рождения	Социально-хронологическое название поколения	Доминантная функция
I	1923–1934*	«Шестидесятники» (первая волна)	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	1920-е–1934*	«Шестидесятники» (вторая волна)	Расширение предметного поля исследований
III	1935–1946	Военное	Развитие эмпирических методов
IV	1947–1958	Первое послевоенное	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959–1970	Постоттепельное	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971–1982	Предперестроечное, годы застоя	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983–1994	Дети перестройки	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
VIII	1995–2006	Первое поколение постсоветской России	Пока находится в стадии формирования
XIX	2007–2018	Эпоха В.В. Путина	На разных фазах поиска себя

* То, что годы рождения социологов I и II поколений заключены в одном временном интервале, в рамках разрабатываемой концепции называется: «один возраст — два поколения».

Поиск названий поколений и функций поколений будет продолжен, хотя здесь вообще проблематично говорить об одном универсальном «имени», мы имеем дело с очень сложными, многомерными и динамичными образованиями. Поколения имеют условный период в 12 лет, и, ясно, младшие отличны от старших; особенно это заметно в период, когда младшие входят в науку. В старших обнаруживается много черт предыдущей генерации, в младших — следующей. Аналогичная картина

и с функциями. Эти функции определяются всем развитием социологии, и в явном или стертom виде они наблюдаются в деятельности если не всех поколений, то, по крайней мере, соседних, но доминантными они, скорее всего, являются для одного поколения. Новые доминантные функции выкристаллизовываются, обозначаются, становятся весомыми лишь к середине периода активной деятельности нового поколения. Это означает, что название доминантной функции VII поколения может уточниться или измениться, а имя VIII когорты пока просто рано закреплять. Многое зависит от характера развития российского общества и российской социологии в ближайшие годы.

Борис, известно, что ты опубликовал немало очень интересных биографических очерков о людях культуры и искусства, а также о своих близких родственниках. Все они, конечно, не имели отношения к профессиональному сообществу социологов. Жанр таких очерков более раскованный, более литературный, хотя все они основаны на реальных фактах и документах. Скажи, пожалуйста, почему ты обратился к биографиям несоциологов? Отразился ли и как такой «отход в сторону» на твоей основной работе — научном исследовании биографий социологов?

Готов принять твоё предложение... В нём есть нечто позитивное для меня, импульс к обобщениям, что в моей ситуации может оказаться продуктивным.

Хотя мое историко-социологическое исследование началось в 2004 г. с биографической статьи о Б.А. Грушине, я не предполагал, что биографический анализ вскоре станет самостоятельным направлением. Оно само заявило себя в силу общей человекоцентричной парадигмы моего подхода к истории науки: в центре внимания — человек, ученый. Уже к 2011 г. была написана серия биографий социологов I–IV поколений, в том числе: А.Н. Алексеева, Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, И.С. Кона, Ю.В. Левады, Г.В. Старовойтовой и В.А. Ядова. В этом было и проявление уважения к коллегам, и стремление углубиться в природу различных социологических когорт.

В 2013–2016 гг. у меня стало возникать желание понять и освоить общие правила, культуру написания биографии как особого жанра, и тогда, чтобы освободиться от ограничений, вытекающих из представлений о том, как следует рассказывать о жизни и работе социологов (скажем, при создании «профессионального портрета»), а также от корпоративных рамок, я начал писать биографии известных мне людей иных творческих профессий, стараясь при этом выбирать героев, которые могут быть интересны разным читателям. В 2013 г. было написано эссе о графике Аскольде Кузьминском — создателе эмблем Эрмитажа и Петербургского метрополитена, авторе ставшего известным портрета Анны Ахматовой и оформителе ряда книг. Через два года я вспомнил встретившегося мне в начале 1970-х советского фотографа

М.М. Гершмана — автора фотопортретов известных актеров драматических театров и кино, прим балета и звезд эстрады. Затем был написан небольшой текст о физике атмосферы И.М. Имянитове — прообразе главного героя романа Даниила Гранина «Иду на грозу». В последующие годы к ним присоединились тексты о графике, художнике-иллюстраторе Светозаре Острове, о враче-психиатре и сказочнике Андрее Гнездилове, о профессоре астрономии Дмитрие Нагирнере, о протоиерее Владимире Федорове, о поэте и составителе многотомной антологии андеграундной советской поэзии Константине Кузьминском, об известном композиторе и музыканте Олеге Каравайчуке и другие. Это дало мне новое видение работы над биографиями социологов. Недавно я сравнил структуры и язык книг о Джордже Гэллапе (2011), Борисе Грушине (2014) и Владимире Ядове (2016), последняя книга — больше мне по душе. Были планы подготовить книги и о других социологах, но не смог найти тех, кто издал бы их.

И еще один итог работы над несоциологическими биографиями: в моей работе появился новый жанр, который я называю «биографическими миниатюрами». Это короткие, до трех-четырёх страниц, биографии социологов, которых я давно знаю и о которых писал и пространственные материалы. Назову Б.А. Грушина, Г.С. Батыгина, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсова, Ф.Э. Шереги, В.А. Ядова; список явно неполный. Жанр непростой, но привлекательный.

В 2017 г. возникло то, чего и следовало ожидать: я начал вспоминать и писать о родных и о тех, кто оказал заметное влияние на меня. Это тоже короткие и внешне малосвязанные тексты. И здесь выявилось много интересного: обострилась память, всплывали весьма дальние события и обнаружились огромные возможности Интернета. Когда писал о маме, умершей в середине 1960-х, я встретил людей, которые ее помнят по работе в Театральной библиотеке; когда писал об отце, умершем в 1949 г., я нашел множество плакатов и открыток, которые он выпустил как редактор ленинградского издательства «Искусство». И чтобы обогатить портреты родных — ведь, скажем, отца я помню крайне отрывочно, — я писал о друзьях родителей, оставивших заметный след в изобразительном и театральном искусстве. Потом пришла очередь воспоминаний о людях, во многом определивших мои научные интересы в годы обучения на математико-механическом факультете ЛГУ. Эти интересы со временем привели меня в психологию и затем — в социологию.

Вся эта многолетняя и дорогая мне исследовательская работа на практике высветила значение давно сформулированного мною понятия «толстого настоящего». Ранее в написании биографий моих героев я использовал его при погружении в их предбиографию и описании круга близких им людей. А теперь неожиданно для меня образовалось мое собственное «толстое настоящее» — многолюдное, растянутое на десятилетия, со множеством дорог. Самое интересное — это события,

люди, которые существуют в моей памяти 50–60 лет одновременно как то, что было, и как то, что есть.

Известно, что ты «ставил научные опыты» и на себе, давая интервью о собственной жизни нескольким коллегам. Какие принципы тебе, специалисту, знающему область биографических исследований «изнутри», оказались наиболее близки при создании собственных автобиографий? Расскажи, что означает «принцип Алексеева» — известного социолога Андрея Николаевича Алексева.

В моей работе последних лет приобрел большое значение «принцип Алексева» — утверждение, сформулированное им в начале 1970-х гг.: «Собственная жизнь может быть полем включенного наблюдения». Следуя этому правилу, А.Н. Алексева много осознаннее и смелее погружался в себя, в свою жизнь и в свое сознание, чем не только его ровесники, но и социологи новых поколений. И я понимаю, что, не имея такого методологического обоснования «копания в себе», я отправлялся бы в свое прошлое осторожнее и, несомненно, писал бы о себе и о виденном более сдержанно. И мое представление о биографичности моих исследовательских интересов и поисков было бы значительно беднее.

Легко понять, что обнаруженное в себе, как и то, что писал о себе Алексева, — это мост к уточнению многих аспектов биографий российских социологов, это то, что предохранит меня и других аналитиков от упрощенного понимания жизненных путей и механизмов творчества наших коллег. Мы будем лучше понимать, что за ответами на вопросы интервью стоит толща реальной жизни.

Лариса, в начале нашей беседы ты вспомнила о моем биографическом тексте «Шесть тысяч дней другой жизни» [1]. Обстоятельства так сложились, что меня интервьюировали о прожитом Н.Я. Мазлумянова, В.А. Ядов и Б.М. Фирсов [4, т. 3], но самый полный рассказ представлен в беседе 2014 г. с Е.Ю. Рождественской [4, т. 9]. И вот года три назад, перечитывая нашу беседу, я попытался «вложить» в этот текст автобиографические сюжеты, написанные в последние годы. И не смог этого сделать. Что-то размещалось, но многое — принципиально нет. И это многое — линии, уходящие в мое далекое прошлое. Мы привыкли к линейному, хронологически упорядоченному изложению событий биографии, в реальности же многое в нас развивается одновременно, но с разными скоростями. Наша жизнь по большей части нелинейна, и биографии — по сути, это нелинейные процессы. Нелинейностью биографии я и планирую заниматься в ближайшие годы.

По-моему, это интересный и достойный внимания подход... Борис, и последний вопрос. Только что ты презентовал в Facebook свою новую онлайн-книгу «Нескончаемые беседы с Андреем Алексеевым» [9]. Наверное, она — своего рода сумма сделанного тобой за десятилетие? Пожалуйста, расскажи об этой работе. Также обозначь свои основные публикации.

Лариса, думаю, что в этом отношении прошедшее десятилетие оказалось весьма успешным. И много писал, и друзья активно помогали в оглашении результатов. М.Е. Илле предоставил мне фактически неограниченные возможности для публикации в журнале «Телескоп», и ежегодно в четырех-пяти выпусках издания были мои статьи. Не считал, но, думаю, около десяти статей было опубликовано в «Социологическом журнале». В 2011 г. генеральным директором Центра социального прогнозирования и маркетинга Ф.Э. Шереги был зарегистрирован сайт Socioprognoz, тогда же он познакомил меня с создателем и хранителем сайта Е.И. Григорьевой, и наша совместная работа, можно сказать, ни на день не прерывалась.

Во второй половине 2011 г. вышло первое издание интерактивной онлайн-книги «Биографические интервью с коллегами-социологами» [3], которая уже много лет знакома социологам как уже упоминавшийся «Большой портрет» (см. диаграмму). Все начиналось с 40 интервью, теперь в нем портреты 218 социологов. Таким образом, за 10 лет было проведено около 180 интервью, многие из них опубликованы в разных журналах. В том же 2011 г. Шереги решил не ограничиваться онлайн-книгой, но подготовить трехтомное издание «Современная российская социология: историко-биографические поиски» на дискете. Дело оказалось непростым, но 6 апреля 2012 г. в Институте социологии РАН состоялась презентация трехтомника. В него вошли не только все проведенные к тому времени интервью, но и текст книги «Биографии и история», а также серия историко-методологических и биографических материалов. Потом был шеститомник, и в 2016 г. томов стало девять [4]. К настоящему времени собраны и отформатированы еще два тома.

Лет пять-шесть назад анализ сделанного подвел меня к выводу о том, что мой историко-социологический проект — с полным правом продукт современности, я имею в виду его пронизанность IT-технологиями. Интервью, общение с респондентами и переписка с коллегами — по электронной почте, две названные важнейшие книги — сетевые. И невозможно представить их в «бумажном» варианте, это было бы свыше 20 томов обычного формата.

В целом результаты проведенных исследований отражены в 20 книгах, увидевших свет в рассматриваемом десятилетии, из них пять — по истории развития опросов общественного мнения в США и остальные — по истории российской социологии. Сначала назову некоторые из «давних» книг: «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории» (СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013) [6]; «Все мы вышли из “Грушинской шинели”». К 85-летию со дня рождения Б.А. Грушина» (М.: Радуга, 2014) [4, т. 6]; «Мир Владимира Ядова. В.А. Ядов о себе и его друзья о нем» (М.: ВЦИОМ, 2016) [4, т. 6].

В 2020 г. вышли три книги, о каждой из которых хотелось бы хоть немного сказать. У книги «Три судьбы для трех социологов», опубликованной в Ереване, три автора: армянский социолог Геворк Погосян, литовский — Арвидас Матулионис и я. Мы одного поколения, пришли в социологию одним путем — через математику, давно знаем друг друга, но после перестройки оказались в разных государствах. В книге — интервью, которые мне дали мои коллеги, и мой рассказ о жизни, записанный вместе с Е.Ю. Рождественской. Интересна структура книги «Я живу в двуедином пространстве...» В книгу включена серия моих очерков о жизни в небольшом калифорнийском городке Foster City и о моем освоении Америки, а также названное выше интервью Елене Рождественской. Книгу можно трактовать как первую попытку написания нелинейной автобиографии. Обе книги изданы Францем Шереги. И последняя книга — упомянутая в твоём вопросе работа «Нескончаемые беседы с Андреем Алексеевым», в ней есть все: историко-социологическое, биографическое, автобиографическое и социографическое. Книга — итог наших с Андреем многолетних обсуждений, прежде всего охватывающих сложные аспекты биографического анализа. Я шел к этой книге более трех лет.

* * *

Лариса, бесконечно благодарен тебе за наш разговор. Теперь я много отчетливее вижу сделанное, и яснее просматриваются направления продолжения работы.

И еще один вывод. Без малого три десятилетия я живу в Америке, однако мне удалось найти свою исследовательскую нишу и своими работками участвовать в развитии российской социологии. Конечно, я рад этому, но отдаю себе отчет в том, что это удалось сделать лишь благодаря помощи и поддержке моих друзей и коллег, с которыми я работал до отъезда в Америку и с которыми познакомился и подружился в процессе моих исследований.

Спасибо, Борис! Успехов и удачи тебе в новых исследованиях! С юбилеем!

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторов Б. Шесть тысяч дней другой жизни // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 76–95.
2. Козлова Л.А. Возвращение к себе и расширение горизонтов: комментарий к «другой жизни» Бориса Докторовова // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 96–99.
3. Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами. Научное сетевое пополняемое издание / Ред.-сост. А.Н. Алексеев; Ред. издания Е.И. Григорьева. 2011–2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.04.2021. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074

4. *Докторов Б.З.* Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9 т. / Ред.-консультант А.Н. Алексеев; Ред. электронного издания Е.И. Григорьева. М.: ЦСПиМ. 2016 [электронный ресурс]. Дата обращения 05.05.2021. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/titul.htm
5. *Козлова Л.А.* [Рец. на кн.] Докторов Б.З. Нескончаемые беседы с классиками и современниками. Опыт историко-биографического анализа: Монография / Б.З. Докторов. М.: ЦСПиМ, 2018 // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 4. С. 177–182. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6104>
6. *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2013. — 560 с.
7. *Докторов Б.З., Козлова Л.А.* Поколенческо-функциональный анализ истории российской социологии: обзор // Социология науки и технологий. 2017. Том 8. № 3. С. 114–129.
8. *Докторов Б.* История есть, только если она написана — 2. После дороги продолжительностью в 11 лет // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 5 (113). С. 2–12.
9. *Докторов Б.* Нескончаемые беседы с Андреем Алексеевым. Электронное издание. Ред. электронного издания Е. Григорьева. 2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.04.2021. URL: <http://doktorov.tilda.ws>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Козлова Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, зав. сектором социологии науки, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 120-87-52. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru

Дата поступления: 09.05.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. No. 2. P. 126–145. DOI: [10.19181/socjour.2021.27.2.8090](https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8090)

BORIS Z. DOKTOROV¹, LARISSA A. KOZLOVA²

¹ Independent Researcher.
Foster City, California, USA.

² Institute of Sociology of FCTAS RAS.
5, building 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

BIOGRAPHICAL ANALYSIS IN HISTORICAL-SOCIOLOGICAL RESEARCH.

SUMMING UP 20 YEARS OF EXPERIENCE

Abstract. B. Doctorov gives an interview where issues are touched upon related to the development and achievements of a project on the history of Soviet/Russian sociology, a project which he has been curating for almost 20 years, as well as to a biographical study

in the field of American sociology and the study of public opinion. Doctorov's project deals with solving the theoretical, methodological and empirical issues of applying the biographical method in historical-sociological research. The author's main methodological developments include the concept of Russian sociology's rebirth, substantiation for generational-functional analysis, and the notion of a biographical quality to creative work in sociology, which includes the recently launched development of non-linear biographical analysis. The article discusses the author's empirical research related to determining the generational structure of Russia's sociological community, as well as the possibility of its study by means of in-depth interview via e-mail. It also examines the content and relevance of a collection of interviews with Russian sociologists (titled "Big portrait"), as well as an online-book titled "Biographical interviews with social scientist colleagues" (this one is interactive) and the nine-volume "Modern Russian sociology: historical-biographical pursuits", all of which mention the main findings of B. Doctorov's project.

Keywords: Doctorov Boris Zusmanovich; the history of Soviet/Russian sociology; biography analysis; historical-sociological research; generational approach; generational-functional analysis; biographical quality to creative work in sociology; non-linearity of biographical analysis.

For citation: Doktorov, B.Z. Biographical Analysis in Historical-Sociological Research. Summing up 20 Years of Experience. Interview prepared by L.A. Kozlova. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 126–145. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8090

REFERENCES

1. Doktorov B. Six thousand days of "another life". *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 2. P. 76–95. (In Russ.)
2. Kozlova L.A. Back to himself and broadening of horizons: A commentary on Boris Doktorov's "another life". *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 2. P. 96–99. (In Russ.)
3. Doktorov B.Z. *Biograficheskie interv'y u s kollegami-sotsiologami. Nauchnoe setevoe popolnyaemoe izdanie*. [Biographical interviews with sociologists. Scientific network replenished edition.] Ed. and select by A.N. Alekseev; Ed. by E.I. Grigor'eva. 2011–2020. Accessed 27.04.2021. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074 (In Russ.)
4. Doktorov B.Z. *Sovremennaya rossiiskaya sotsiologiya: Istoriko-biograficheskie poiski*. [Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches.] In 9 Vols. Ed. by A.N. Alekseev, E.I. Grigor'eva. Moscow: TsSPiM publ., 2016. Accessed 05.05.2021. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/titul.htm (In Russ.)
5. Kozlova L.A. [Rev.] Doktorov B.Z. Never Ending Chats with Classics and Contemporaries. A Practice in Historical-Biographical Analysis: Monograph. B.Z. Doktorov. Moscow: TsSPiM publ., 2018. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 177–182. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6104> (In Russ.)
6. Doktorov B. *Sovremennaya rossiiskaya sotsiologiya. Istoriya v biografiyakh i biografii v istorii*. [Contemporary Russian Sociology. History in Biographies and Biographies in History.] St Petersburg.: Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge publ., 2013. 560 p. (In Russ.)
7. Doktorov B.Z., Kozlova L.A. Generational-Functional Analysis of the History of Russian Sociology: Discussion. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 114–129. (In Russ.)

8. Doktorov B. There is a story only if it is written-2. After an 11 years road. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2015. No. 5 (113). P. 2–12. (In Russ.)
9. Doktorov B. *Neskonchaemye besedy s Andreev Alekseevym. Elektronnoe izdanie*. [Never ending conversations with Andrey Alekseev. Electronic edition.] The editor of the electronic edition is E. Grigorieva. 2020. Accessed 27.04.2021. URL: <http://doktorov.tilda.ws> (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Boris A. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Independent Researcher. **Email:** bdoktorov@inbox.ru

Larissa A. Kozlova — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor,
Head of the Sociology of Science Section, Institute of Sociology of FCTAS RAS.
Phone: +7 (499) 125-82-57. **Email:** LarissaKozlova@yandex.ru

Received: 09.05.2021.
